

ЧТО И ЗАЧЕМ ЧИТАЕТ ГЕРОЙ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА: МОТИВ ЧТЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РОМАНЕ «ЧАГИН»

Е. Г. Белоусова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуется проблема саморефлексии литературы, которая на материале романа Е. Г. Водолазкина «Чагин» рассматривается как литературная рефлексия о читателе. Предмет исследования – мотив чтения, который фиксирует в тексте различные способы и формы взаимоотношений героя и литературных текстов, входящих в основной круг его чтения.

Выявляется связь мотива чтения с основными темами романа – любви, преступления и наказания, греха и искупления, смысла жизни, судьбы, соотношения вымысла и реальности в жизни и творчестве. Анализируется воплощение мотива чтения на уровне сюжета, восходящего к универсальному «сюжету чтения», и образной системы романа. Определяются основные функции мотива чтения: сюжетная, характеризующая, герменевтическая (использование литературного произведения как способ истолкования собственной жизни), моделирующая (использование литературного произведения как новое основание для жизненной практики) и металитературная функция, раскрывающая представление автора о характере взаимоотношений жизни и творчества.

Делается вывод о самобытности мотива чтения и существенном расширении его функционала в романе «Чагин», а также его структурной и концептуальной значимости. Мотив чтения проявляет отношение Водолазкина к литературной традиции, вопросам соотношения искусства и жизни, способности искусства влиять на действительность и даже менять ее.

Ключевые слова: мотив чтения, сюжет чтения, герой-читатель, металитературная проблематика, Е. Г. Водолазкин.

Введение

Идея «воскрешения субъекта», возникшая в конце XX столетия как «инструмент борьбы с радикальным постмодернизмом, который на протяжении десятилетий последовательно строил децентрированный мир» [1, с. 3], мир без автора, актуализирует проблему авторской рефлексии о литературе. Проявляя отношение писателя к литературной традиции, собственной творческой манере и экзистенциальным вопросам судьбы художника, в тексте она может выражаться по-разному: прямо – в виде авторских рассуждений о природе словесности, изображения самого процесса творчества или опосредованно, например, посредством подчеркнутой литературности авторского письма.

Ведущие современные исследователи (В. И. Тюпа, Д. П. Бак [2], М. А. Хатямова [3], О. Н. Турышева [4] и др.) прочно связывают феномен литературной авторефлексии с поиском своей идентичности и своего языка. В частности, В. И. Тюпа и Д. П. Бак определяют литературную авторефлексию как «эвристическую рефлексию поиска субъектом своей актуальной позиции, на которой он еще не утвердился окончательно» [2, с. 5]. И далее: «Это не рефлексия самопознания, а *рефлексия самоопределения**» [2, с. 5].

Как следствие, основной формой литературной авторефлексии, получившей наибольшее рас-

пространение в мировой литературе, становится «литературная рефлексия о письме» (термин О. Н. Турышевой). В современной русской прозе эта тенденция представлена, например, в романах Е. Г. Водолазкина «Авиатор» (2015), А. А. Матвеевой «Каждые сто лет. Роман с дневником» (2021) и др. Носителем литературной рефлексии в них помимо автора является герой-писатель. По словам О. Н. Турышевой, такая форма авторефлексии «особенно проблематизирует письмо как диалог с литературой», как «способность самого художника выразить отношение к специфическим для него образным средствам познания» [4].

Вместе с тем исследовательница убедительно показывает значимость и другой тенденции, представленной произведениями, фиксирующими «литературную рефлексию о чтении». Назовем в их числе романы Т. Н. Толстой «Кысь» (2000), М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» (2007) и др. Носителем литературной рефлексии в таких произведениях оказывается не только автор, но и герой-читатель, а ее предметом – самоопределение не столько автора как творца произведения, сколько «*читателя как творца собственной жизни*» [4].

Е. Макеенко справедливо связывает эту особенность современного литературного процесса с природой постмодернистской литературы: «в условиях всеобъемлющего интертекста <...> не рефлексия собственного творческого метода, но рефлексия текстов предшественников становится первичной темой для метатекста» [1, с. 4].

* Здесь и далее, в том числе и в цитатах, курсивом выделено нами – Е. Б.

Все вышесказанное определяет прагматический ракурс исследования и его предмет. Нас интересуют взаимоотношения читателя и литературы, а именно – *мотив чтения*, понимаемый как читательская деятельность персонажа, включающая в себя как само событие чтения, особый опыт переживания или осмысления текста, так и использование этого опыта во взаимоотношениях с действительностью [5]. Причем книжные аспекты поведения или мировосприятия героя должны иметь непосредственное выражение в тексте, т. е. мы сознательно сужаем предмет исследования, вынося за скобки различные формы интертекстуальности.

Выбор материала не случаен. Е. Г. Водолазкин – один из ярчайших представителей современной русской прозы, литературность его письма неоднократно отмечалась исследователями [6–8]. Так, В. В. Абашев справедливо отмечает, что фрагмент текста у Водолазкина «отсылает одновременно ко многим источникам, цитируя не какой-то конкретный текст, а скорее *топос культуры, сложившийся как результат эманации многих произведений* в совокупное представление о стиле, эпохе, образе исторического лица и т. п.» [8, с. 321]. В этих условиях особенный интерес представляют те литературные произведения, которые автор выбирает из общего культурного фона и делает предметом чтения своего героя.

К тому же в «Чагине» соединились обе обозначенные выше традиции и обе формы литературной авторефлексии. Главный герой выступает в нем отчасти как писатель (автор дневника и поэмы «Одиссей») и как читатель. И все же определяющее значение в романе имеет рефлексия чтения. Неслучайно молодой архивист Павел Мещерский (один из самых объективных рассказчиков в романе¹), разбирая дневники Чагина после его смерти, замечает отсутствие в нем художественной образности и делает вывод: «Чагин – не писатель, он – мнемонист, и в данном случае мало чем отличается от диктофона» [9, с. 18].

Учитывая эти обстоятельства, сосредоточим свое внимание именно на мотиве чтения. Тем более что «роман о читателе», как и «роман о писателе», тоже разрабатывает «проблематику соотношения искусства и действительности, размышляя о границах между ними» [10, с. 293], в случае с Водолазкинским – о соотношении реальности и вымысла (фантазии, мифа).

Обзор литературы

Вышедший в 2022 году роман «Чагин» еще не получил должного научного осмысления. На данном этапе исследователи в большей степени сосредоточены на его конструктивных особенностях:

¹ Роман «Чагин» включает в себя четыре части («Дневник Чагина», «Операция “Биг-Бен”», «Незабываемое» и «Лета и Эвноя») – четыре зеркала, в которых отражается личность главного героя. И каждая из частей имеет своего рассказчика.

С. В. Овсянникова – на архитектонике и образной системе романа [11], Е. Г. Белоусова – на системе двойников [12], О. С. Крюкова и М. Б. Раренко – на организации хронотопа [13], О. А. Гримова – на особенностях повествовательной структуры [14].

Конечно, литературность романа тоже не осталась незамеченной, но она фиксируется лишь попутно и в рамках интертекстуального подхода, а не прагматического. Так, чеховские реминисценции в романе «Чагин» обнаруживают О. С. Крюкова и М. Б. Раренко, чеховские и гоголевские – М. Пророков [15], шукшинские – В. В. Десятов [16].

Отсюда *цель статьи* – выявить специфику художественной репрезентации и смысловую роль мотива чтения в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин».

Методы исследования

Методология исследования опирается на принципы семиотического, рецептивного и структурного анализа, используемых комплексно.

Результаты и дискуссия

Прежде всего мотив чтения реализуется в тексте на уровне сюжета, определяя судьбу главного героя как историю преступления и наказания, точнее греха, покаяния и искупления. Соблазнившись возможностью остаться после окончания института в Ленинграде, наделенный феноменальной памятью Исидор Чагин соглашается на сотрудничество со спецслужбами и внедряется в Шлимановский кружок молодых ленинградских интеллигентов. С фотографической точностью он воспроизводит своим кураторам содержание разговоров в кружке, что приводит к аресту его руководителя Вельского, обвиненного в распространении запрещенной литературы.

Наказанием за содеянное становятся разрыв с Верой (не смогла простить предательства), муки совести и одиночество, растянувшиеся практически на всю жизнь, ведь наделенный даром феноменальной памяти Исидор Чагин ничего не может забыть.

Но поскольку в строгом смысле слова «роман о читателе» «Чагин» не является, мотив чтения не разворачивается в нем до полноценного «сюжета чтения», восходящего, по Турышевой, к обряду инициации [10, с. 293]. В рамках такого сюжета исследовательница выделяет четыре основных элемента, каждый из которых представляет определённую фазу в судьбе героя и соотносится с комплексом устойчивых мотивов: фаза кризиса – с мотивом потери, фаза выбора / обретения книги – с мотивом выбора пути, фаза «использования» книжного знания – с мотивом испытания, завершает сюжет фаза преобразования, которая соотносится с мотивами обретения сакрального знания и преобразования / возрождения героя.

Сохраняя общую логику и смысл «сюжета чтения» – «символическое путешествие героя в царство смерти и последующее возвращение его

в мир живых» [10, с. 293], Водолазкин воплощает их по-своему.

Начнем с того, что на первых порах Исидора Чагина трудно назвать полноценным субъектом чтения. Во-первых, он практически не вникает в смысл прочитанного и лишь механически («фотографическая память») воспроизводит набор любых знаков, увиденных на странице. Так, не зная греческого, Исидор без единой ошибки, со всеми надстрочными знаками, воспроизводит две страницы «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, но не может их прочитать.

Во-вторых, выбор судьбоносных книг за Чагина осуществляют другие персонажи, следовательно, сознательного и активного поиска книги герой не ведет. Тем важнее нам представляется пересечение рекомендованных списков чтения, актуализирующих тему судьбы в романе.

Благодаря сотруднику спецслужбы Ивану Николаевичу в жизни Исидора Чагина «для лучшего понимания оперативного материала» появляются биография Шлимана из серии «Жизнь замечательных людей» и поэма Гомера «Илиада». Затем по рекомендации Вельского вместе с другими участниками кружка герой знакомится с дневниками Шлимана, обсуждает роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» и вновь читает «Илиаду». Чтобы продемонстрировать свои феноменальные способности и завоевать Веру, Чагин блистательно воспроизводит по памяти знаменитый список кораблей из гомеровской поэмы.

Уже на этом этапе (не соответствующем у Водолазкина фазе кризиса) у Чагина, ранее книг не читавшего², начинает формироваться собственная читательская рецепция. Он вдруг обнаруживает прямую и тесную связь реальной действительности и вымышленной. Сначала дети, гуляющие с мамашами в Юсуповском саду, где Чагин читает книгу, воспринимаются им лишь как «уместная иллюстрация» к биографии Шлимана, выросшего в многодетной семье. Но открывшееся в процессе чтения сходство Чагина с героем беллетризованной биографии (печальный опыт первой любви, феноменальная память) меняет ракурс восприятия. И теперь, наоборот, литература включается в реальную жизнь Исидора. В биографии Шлимана он ищет ключ к пониманию своего дара: «рассматривал этот сюжет как одну из дорожек к пониманию своей удивительной памяти» [9, с. 28].

Тогда же меняется и чагинское восприятие Илиады. Она становится тренажером для освоения мнемонических техник. ««Илиаду» (Песнь вторую) Чагин читал в Летнем саду, но фоном ее описаний

были причалы у Эрмитажа. Логика запоминания вроде бы понятна: идея причаливания выражена ярче всего именно там. При этом есть здесь и некая нелогичность. Кораблей у Гомера такое количество, что их и в большом порту не разместить. А его, Чагина, память упорно ведет громадный флот к пятачку у Зимнего дворца» [9, с. 31].

Отдельного внимания заслуживает чагинское восприятие поэзии. Стихи эмигранта Георгия Иванова герой впервые в жизни слышит в кружке, и вновь благодаря Вельскому, который приносит ксерокопии запрещенной книги. Неожиданно стихи Исидору понравились. Правда тут же Водолазкин уточняет, что более всего понравилось звучание имени – Ив́анов, а не Ивано́в: «Протяжное а звучало, по его мнению, очень поэтично» [9, с. 53]. Да и сама рецепция еще сводится к узнаванию и буквальной визуализации услышанного: «С невероятной четкостью он [Чагин – Е. Б.] видел описанную Ивановым рыжую траву и слышал плеск Невы. Волны с шлепаньем накатывали на гранитные ступени у сфинксов...» [9, с. 53]. Однако итогом этого фрагмента становится мысль Веры, которую Чагин фиксирует в своем дневнике, предвосхищая финальную часть своей жизни и романа в целом: «Всякая поэзия – вымысел, – ответила она. – То есть не то чтобы совсем вымысел – просто она не имеет прямого отношения к действительности» [9, с. 54].

В результате пересечения разных рекомендаций обнаруживаются главные книги в жизни Исидора Чагина – поэмы Гомера, дневники и письма³ Шлимана, роман Дефо⁴ – и три его двойника – Генрих Шлиман, Даниэль Дефо и Одиссей. Двое из них – реальные исторические деятели, но в жизненную орбиту героя они попадают только благодаря чтению, что дает основание рассматривать эти образы как способ реализации мотива чтения.

Двойники по-своему акцентируют основные темы романа (поиски смысла жизни, предательства, преступления и наказания, греха и искупления), включая металитературную проблематику – *вопрос о соотношении вымысла и реальности в жизни и творчестве*.

Генрих Шлиман и Даниэль Дефо – фантазеры, которые подменяют реальную жизнь вымыслом. Как следствие, первый зарабатывает репутацию патологического лгуна, второй – великого мистификатора.

При этом в нравственном плане Шлиман и Дефо оказываются антиподами. Шлиман – бескорыстный романтик, увлеченный поисками ле-

² Показателен диалог Чагина со случайным прохожим: «Кивнув на портфель Исидора, кавторанг спросил, не водка ли там. Чагин ответил, что книги. Например, «Илиада». Кавторанг тут же вспомнил, что в этом произведении есть список кораблей, который он смог дочитать только до половины. *Исидор признался, что даже половины не прочел. Вообще ни строчки*» [9, с. 26].

³ В будущем, во время работы в Архиве, по долгу службы Чагин вновь будет заниматься перепиской Г. Шлимана и Г. фон Краузе.

⁴ К чтению «Робинзона Крузо» Чагин вернется по рекомендации Веры.

гендарной Трои, а Дефо – доносчик⁵ и «интриган», стоящий у истоков политического сыска [9, с. 47]. За одну из самых сомнительных мистификаций он три дня простоял у позорного столба. Тем не менее «в Шлимановском кружке Дефо все-таки оправдали, и главным основанием стал (конечно же) “Робинзон Крузо”. Он всё оправдывает», – заявляет Мещерский, после прочтения дневника Чагина [9, с. 47]. Мысль эта настолько важна для Водолазкина, что он еще раз фиксирует ее в тексте уже как запись в дневнике Чагина: «Любое творчество – это своего рода оправдание» [9, с. 47].

В этой (как и в ряде других) паре двойников Чагин занимает *промежуточное положение* [12]. Смысл такой позиции сам Водолазкин объясняет в одном из интервью. «На самом деле ключевые вещи все существуют в парах. Памяти противостоит забвение, даже не противостоит, а соответствует. Слово существует только потому, что существует молчание, или, наоборот, молчание есть, потому что есть слово. Все ключевые понятия существуют как *промежуточное звено между двумя полюсами*. И нет ничего хуже, чем существование на одном из полюсов» [17]. Как следствие: «дар, доведенный до крайности, превращается в антидар» [17].

Как и его предшественники, Чагин не считает вымысел (фантазию) ложью и не противопоставляет его реальности. «Крепко задумавшись, он, бывало, уходил в другую реальность, которая, выражаясь словами учебника философии, не была дана в ощущениях. Являвшееся Чагину в воображении оказывалось ярче и убедительнее реальности существующей. Что греха таить – в эти путешествия Исидор отправлялся с большой охотой» [9, с. 44].

По этой причине герой замечает явное сходство между Дефо и Шлиманом, а в последнем безошибочно узнает «родственную душу». Шлиман убежден: «Фантазия – это *жизнь в ее идеальном проявлении*» [9, с. 133], – и эта убежденность позволяет археологу-самоучке, опираясь на фантазию и текст Гомера, найти легендарную Троию. А Чагин видит в фантазии «увеличительное стекло», необходимое для того, «чтобы лучше разглядеть предмет» [9, с. 130].

Ранее мы уже отмечали, что образная система «Чагина» находится в тесной связи с хронотопом романа и авторской картиной мира, которую он реализует [12]. Контраст-единство реального и воображаемого миров, которые не столько опровергают, сколько дополняют и углубляют друг

друга, обусловлены у Водолазкина концепцией непрерывного времени, восходящей к средневековому мировоззрению. Она трактует жизнь человека как единство прошлого, настоящего и будущего, которое в силу своей закрытости воспринимается как вымысел. Так, преодолевая ограниченность земного существования, человек реализует свое стремление к вечности.

Вместе с тем между Чагиным и его двойниками есть принципиальная разница. В отличие от Шлимана Чагин не замещает реальную жизнь вымыслом, а *стремится преобразовать ее с помощью вымысла и тем самым создать высшую реальность*. Именно такую реальность мы видим в автобиографической поэме «Одиссей», которую герой Водолазкина пишет в конце жизни (четвертая часть романа). Исправляя ошибки молодости, он воссоздает в ней свою подлинную биографию, где есть Вера и Шлимановский кружок, но нет предательства. Таким образом, гомеровский Одиссей становится еще одним двойником Чагина, одержимого мечтой возвращения к возлюбленной и себе самому, а созданная героем поэма – *высшей точкой читательской субъектности*, которую Е. Макеенко характеризует как объединение рецептивной и креативной функций [1, с. 13]. Интерпретация текста предшественника становится основой для создания нового текста (художественного и биографического), получившего графическое выражение в собственном дискурсе, т. е. Чагин становится Творцом, в том числе Творцом собственной жизни.

В отличие от Дефо Чагин не может забыть свой грех и не только в силу того, что начисто лишен способности забывать. Героя мучит совесть, поэтому совместное чтение «Робинзона Крузо» с Верой причиняет герою страдания. «Чтение стало главной болью Чагина, ведь на месте Дефо он неизменно представлял себя. Иногда ему снилось, как в течение трех дней он стоит, прикованный к позорному столбу. <...> Две соединенные колодки с отверстиями для головы и рук. Все имели право бросить в него чем угодно. И бросали» [9, с. 49]. По этой же причине во время суда Исидор попросит прощения у Вельского, хотя судьба последнего была предreshена и по-настоящему от Чагина не зависела: в кружке был еще один доносчик – Альберт. В отличие от Чагина, он «стучал на Шлимановский кружок вдохновенно» [9, с. 145], угрызениями совести не мучился и впоследствии даже женился на Вере.

Выводы

Как видим, «сюжет чтения» Водолазкин использует очень редуцированно. Основные этапы жизни Исидора Чагина книгой не обусловлены, а связанные с ними испытания герой проходит не благодаря «использованию» книжного знания или литературных моделей, описанных в текстах предшественников. И все же книга играет очень

⁵ «Принадлежит к религиозному движению диссентеров, Дефо анонимно призывал к расправе с ними (за это он был приговорен к позорному столбу). Несколько раз переходил от тори к вигам и обратно, становясь тайным агентом обеих партий. В постоянном предательстве Дефо Чагину виделось своего рода вдохновение, не имевшее отношения к обычной корысти. Мутная, завораживающая поэзия измены» [9, с. 47].

важную роль, активно участвуя в формировании героя – сотворении его субъективности – и его судьбе – проявляет ее основной вектор, позволяет осознать судьбу и даже повлиять на нее.

«Робинзон Крузо» Дефо знаменует период кризиса, который сопровождается мотивом потери (конец Шлимановского кружка, разрыв с Верой, уход из института), и начало этапа испытаний, который приобретает вид борьбы с собственным даром, т. е. связан с мотивом забвения. «Одиссея» Гомера соотносится с этапом преобразования и возрождения героя: муки совести и любовь к Вере, пронесенные через всю жизнь, даруют прощение – долгожданное забвение и новую встречу с возлюбленной. И вновь важную роль в развитии и завершении сюжета у Водолазкина играет книга.

Роман Чагина и Веры развивается под аккомпанемент чтения вслух: Исидор по памяти воспроизводит нужный текст, вызывая неизменное восхищение возлюбленной. Помимо романа Д. Дефо, о котором уже шла речь выше, Вера выбирает повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики», которая прогнозирует счастливый финал истории. «Она тогда сказала: – Это – повесть о великой любви. – Ты бы хотела, чтобы у нас была такая? – спросил Исидор. Вера задумалась. – Мы – другие, и любовь у нас другая. Я бы хотела, чтобы она была такой же сильной» [9, с. 49].

Из переписки Павла Мещерского и его возлюбленной Ники мы узнаем, что, несмотря на неизлечимую болезнь и смерть Веры, последние страницы жизни героев читаются как подлинная история Филемона и Бавкиды, т. е. история вечной любви, над которой не властно время.

Как следствие, в романе значительно расширяется функционал мотива чтения: к сюжетобразующей функции добавляются характеризующая, а также герменевтическая и даже моделирующая функции. Мы имеем в виду использование литературного произведения как способ «узнавания» себя, истолкования собственной жизни и новое основание для жизненной практики. Одиссей-Чагин возвращается к себе, возвращает себе свою жизнь.

И конечно, мотив чтения выполняет в романе металитературную функцию, проявляя ключевые темы романа, раскрывая представления автора о сути жизни и творчества, характере их взаимоотношений. По Водолазкину, искусство (фантазия, вымысел, миф) способно менять действительность, высвечивая ее подлинный вариант, сбывшуюся мечту. Неслучайно в финале романа Павел и Ника уничтожают дневник Чагина, повествующий о «реальности», ее окончательно замещает автобиографическая поэма «Одиссей».

Литература

1. Макеенко, Е. В. Автор и читатель в структуре художественного текста (на материале русской литературы 1990-х – 2010-х гг.) : автореф.

дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Макеенко. – Новосибирск, 2013. – 19 с.

2. Тюпа, В. И. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики / В. И. Тюпа, Д. П. Бак // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово, 1988. – С. 4–15.

3. Хатямова, М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / М. А. Хатямова. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 328 с.

4. Турышева, О. Н. Прагматика художественной словесности как предмет литературного самосознания : дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Турышева. – Екатеринбург, 2011. – 375 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-khudozhestvennoi-slovesnosti-kak-predmet-literaturnogo-samosoznaniya> (дата обращения: 21.11.2025).

5. Турышева, О. Н. Мотив чтения в структуре повествовательного сюжета / О. Н. Турышева // Вестник ЧГПУ. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 363–371.

6. Абашев, В. В. «Проект грядущего восстановления мира...»: роман Евгения Водолазкина в контексте художественной сотериологии русской литературы / В. В. Абашев // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 319–332.

7. Импости, Г. Э. Роман Евгения Водолазкина «Авиатор»: воздушное обозрение / Г. Э. Импости // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 297–309.

8. Солдаткина, Я. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» / Я. Солдаткина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 309–318.

9. Водолазкин, Е. Г. Чагин / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. – 378 с.

10. Турышева, О. Н. Роман о читателе как случай метаромана / О. Н. Турышева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 292–304.

11. Овсянникова, С. В. Об архитектонике романа Евгения Водолазкина «Чагин» / С. В. Овсянникова // Отечественная филология. – 2025. – № 1. – С. 122–131.

12. Белоусова, Е. Г. Двойничество в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин» / Е. Г. Белоусова // Вестник Томского университета. – 2025. – № 505. – С. 27–33.

13. Крюкова, О. С. Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Водолазкина «Чагин» / О. С. Крюкова, М. Б. Ра-

ренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 9 (877). – С. 143–148.

14. Гримова, О. А. Биографический дискурс в романе Е. Водолазкина «Чагин» / О. А. Гримова // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения) : материалы VIII Международной научной конференции. – М. : Макс Пресс, 2023. – С. 175–178.

15. Прокопов, М. Чагин, чудо памяти / М. Прокопов // Коммерсантъ. 31.10.2022. № 202. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644800> (дата обращения: 21.11.2025).

16. Десятов, В. В. Шукшинский слой реми-

нисценций в романах Е. Г. Водолазкина «Брисбен» и «Чагин» / В. В. Десятов // Филология – XXI проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : материалы VI Всероссийского научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка : сборник научных статей. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2023. – С. 9.

17. «Личность – это память»: Евгений Водолазкин о своем новом романе и мифологии человека. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767/licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-celoveka> (дата обращения: 21.11.2024).

Белюсова Елена Германовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: belou Elena@gmail.com. ORCID 0000-0002-5593-2628

Поступила в редакцию 28 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260209

WHAT AND WHY DOES E. G. VODOLAZKIN'S HERO READ: THE READING MOTIF AND ITS MANIFESTATION IN THE NOVEL *CHAGIN*

E. G. Belousova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article explores literary self-reflection, which can be defined as a literary reflection on the reader within the context of the novel *Chagin* by E. G. Vodolazkin. The research subject is the reading motif, which captures various modes and forms of interaction between the protagonist and the literary texts that form his reading circle.

The work reveals the connection between the reading motif and the main themes in the novel, such as love, crime and punishment, sin and redemption, the meaning of life, fate, as well as the relationship between fiction and reality in life and creativity. The article analyzes how this reading motif is manifested in the plot, which ultimately leads to the universal “plot of reading”, and the figurative system of the novel. The research also defines the main functions of the reading motif. They are plot, characterization, hermeneutic (using a literary work as a way to interpret one’s own life), modeling (using a literary work as a new foundation for life practice), and metaliterary function revealing the author’s understanding of the nature of the relationship between life and creativity.

The author concludes that the reading motif is unique, structurally and conceptually significant, and its functionality is considerably expanded in the novel *Chagin*. The reading motif shows Vodolazkin’s attitude towards literary tradition, the relationship between art and life, as well as the ability of art to influence and even transform reality.

Keywords: reading motif, plot of reading, protagonist-reader, metaliterary problems, E. G. Vodolazkin.

References

1. Makeenko E.V. Avtor i chitatel' v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoy literatury 1990-kh – 2010-kh gg.) [Author and Reader in the Structure of a Literary Text (Based on Russian Literature of the 1990s–2010s)]: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2013. 19 p.

2. Tyupa V.I., Bak D.P. Evolyutsiya khudozhestvennoy refleksii kak problema istoricheskoy poetiki [The Evolution of Artistic Reflection as a Problem of Historical Poetics] // *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki*. Kemerovo, 1988. P. 4–15.
3. Khatyamova M.A. Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy trety XX veka [Forms of Literary Self-Reflection in Russian Prose of the First Third of the 20th Century]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2008. 328 p.
4. Turyшева O.N. Pragmatika khudozhestvennoy slovesnosti Kak predmet literaturnogo samosoznaniya [Pragmatics of Literature as a Subject of Literary Self-Awareness]: dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2011. 375 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-khudozhestvennoi-slovesnosti-kak-predmet-literaturnogo-samosoznaniya> (date of accessed: 21.11 2025).
5. Turyшева O.N. Motiv chteniya v strukture povestvovatel'nogo syuzheta [Reading Motive in the Narrative Plot Structure] // *Vestnik ChGPU. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2010. № 1. P. 363–371.
6. Abashev V. "Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira...": roman Evgeniya Vodolazkina "Aviator" v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury ["Project for the Future Restoration of the World ...": Eugene Vodolazkin's Novel The Aviator in the Context of the Literary Soteriology of Russian Literature] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnickoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 319–332.
7. Imposti G.E. Roman Evgeniya Vodolazkina "Aviator: vozdušnoe Obozrenie" [Evgeny Vodolazkin's novel "Aviator: An Air Review"] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnitskoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 297–309.
8. Soldatkina Y. Dialog s russkoy literaturoy XX veka v romanakh Evgeniya Vodolazkina "Lavr" i "Aviator" [A Dialogue with 20th-Century Russian Literature in Evgeny Vodolazkin's Novels "Lavr" and "The Aviator"] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnitskoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 309 – 18.
9. Vodolazkin E.G. Chagin [Chagin]. Moscow: AST: Publishing House of Elena Shubina, 2022. 378 p.
10. Turyшева O.N. Roman o chitatele kak sluchay metaromana [The Novel about the Reader as a Case of Meta-Novel] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2020. № 63. P. 292–304.
11. Ovsyannikova S.V. Ob arkhitektonike romana Evgeniya Vodolazkina "Chagin" [On the Architectonics of Evgeny Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Otechestvennaya filologiya*. 2025. № 1. P. 122–131.
12. Belousova E.G. Dvoynichestvo v romane E.G. Vodolazkina "Chagin" [Duality in the Novel by E.G. Vodolazkina "Chagin"] // *Vestnik Tomskogo universiteta*. 2025. № 505. P. 27–33.
13. Kryukova O.S., Rarenko M.B. Khudozhestvennoe prostranstvo i geroy, ego organizuyushchiy, v romane E. Vodolazkina "Chagin" [Artistic Space and the Hero who Organizes it in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 9 (877). P. 143–148.
14. Grimova O.A. Biograficheskiy diskurs v romane E. Vodolazkina "Chagin" [Biographical Discourse in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyy protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Maks Press, 2023. P. 175–178.
15. Prorokov M. Chagin, chudo pamyati [Chagin, a Miracle of Memory] // *Kommersant*. 31.10.2022. № 202. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644800> (date of accessed: 21.11 2025).
16. Desyatov V.V. Shukshinskiy sloj reministsentsiy v romanakh E.G. Vodolazkina "Brisben" i "Chagin" [Shukshin's Layer of Reminiscences in E.G. Vodolazkin's Novels "Brisbane" and "Chagin"] // *Filologiya – XXI problemy, perspektivy, novatsii v nauke i obrazovanii: materialy VI Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminaru kafedry obshchey i prikladnoy filologii, literatury i russkogo yazyka: sbornik nauchnykh statey*. Barnaul: Altay State University, 2023. P. 9.
17. "Lichnost' – eto pamyat": Evgeniy Vodolazkin o svoem novom romane i mifologii cheloveka ["Personality is memory": Evgeny Vodolazkin about his New Novel and Human Mythology]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-cheloveka> (date of accessed: 25.08.2024).

Elena G. Belousova – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: belouelena@gmail.com

Received November 28, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Белуосова, Е. Г. Что и зачем читает герой Е. Г. Володазкина: мотив чтения и особенности его воплощения в романе «Чагин» / Е. Г. Белуосова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 75–82. DOI: 10.14529/ssh260209

FOR CITATION

Belousova E. G. What and why does E. G. Vodolazkin's hero read: the reading motif and its manifestation in the novel *Chagin*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–82. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260209
